

НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ

И. В. ВОЛКОВ

К 150-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ ИЗМЕНЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ

Объектом данного исследования является рассмотрение исследовательской парадигмы как системы объективных и субъективных оценочных критериев, объединенных единой логикой определенных идеологических установок. В дореволюционный период оценки процесса присоединения региона к царской империи в большинстве своем носили положительный характер. С установлением советской власти была создана новая оценочная парадигма, в которой на первый план выдвигалось пресловутое «колониальное угнетение». Однако в советский период происходила эволюция подхода к рассматриваемой проблеме и со времени «хрущевской оттепели» он сменился тезисом о прогрессивном значении присоединения. Вторая часть статьи посвящена оценкам данного события в отечественной учебной исторической литературе и интерпретациям, которые существуют в современной центрально-азиатской исторической и псевдоисторической науке.

Ключевые слова: Средняя Азия, Россия, присоединение, оценочная парадигма, учебная историческая литература.

Летом 2015 г. исполнилось 150 лет присоединения Средней Азии к России. Событие, безусловно, относится к числу знаменательных, имеющих огромное историческое значение, однако вряд ли оно вызовет научную рефлексию, адекватную его содержанию. Достаточно обратиться к тем исследовательским парадигмам, которые сложились на этот счет в постсоветской исторической литературе в молодых суверенных государствах Центральной Азии (бывших союзных республиках СССР), возникших на обломках распавшегося Советского Союза.

Процесс присоединения Средней Азии к России был достаточно долговременным и начался еще на рубеже 1840–1850-х гг. Поэтому его трудно втиснуть в «прокрустово ложе» точной исторической даты. Тем не менее, в свое время это было сделано. Несмотря на то, что 12 февраля 1865 года именным царским указом была образована Туркестанская область, составленная из Алатавского округа и иных присоединенных к России территорий Средней Азии¹, официально отсчет включения Средней Азии в состав России начался со дня взятия Ташкента – 15 июня

---

¹ Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184.

1865 г., хотя и позже к империи присоединялись крупные территории этого региона (например, Самарканд в 1868 г.). Однако мы считаем эту дату вполне правомерной, исходя из исторической значимости Ташкента как центра торгово-экономических, политических, этноконфессиональных и прочих связей. Нелишне заметить, что и дореволюционная российская и советская интернациональная историография одинаково признавали указанную дату определяющей и решающей. Кстати, и большинство постсоветских историков в независимых (после распада СССР) странах Центральной Азии тоже склонны полагать, что взятие Ташкента летом 1865 года стало началом действительно прочного и долговременного утверждения царизма в Туркестане.

Разумеется, рассматриваемое событие всегда вызывало огромный интерес у специалистов, причем не только историков, но и этнологов, политологов, культурологов и др. Доказательством тому служит огромная литература по данному поводу, как отечественная, так и зарубежная. Мы остановимся только на работах зарубежных историков, которые были изданы в странах так называемого «ближнего зарубежья» (читай: Центральной Азии) в постсоветский период. Однако заметим, что, например, британская историография фактически изначально хулила действия России на среднеазиатском направлении во всех отношениях, особенно – как «угрозу Индии»². Печально, что некоторые центрально-азиатские историки придерживаются даже сегодня в этом отношении схожих мотивов.

Нелишне заметить, что в канун присоединения Средней Азии даже в царских «верхах» не существовало полного единодушия по данному вопросу. Отчасти об этом пишет российский исследователь О.В. Воронин в разделе «Споры о необходимости завоевания Центральной Азии»³. И в последующем, в дореволюционный период среди российских исследователей, публицистов, чиновников было немало тех, кто сомневался в успехе присоединения Средней Азии, ссылаясь на огромную затратность этого мероприятия в прошлом и настоящем. Доказательные тому примеры приводил известный отечественный туркестановед П.П. Литвинов⁴. Вместе с тем, он не ставил под сомнение сам факт позитивного значения присоединения Средней Азии к России. Таким образом, первые оценки процесса присоединения региона к царской империи появились еще в дореволюционный период, однако в большинстве своем они носили положительный характер, всецело одобрявший абсорбцию Россией

---

² Curzon 1889; Cobbold 1900; Dunmore 1893; Lansdell 1885; Skrine, Ross 1899; etc.

³ Воронин 2008. С. 66-68.

⁴ См.: Литвинов 1998. С. 45-50.

огромных пространств Туркестана, исключая среднеазиатские ханства, которые и так были покорными вассалами царизма во внешней политике, сохраняя, однако, незыблемым свой «внутренний строй» управления. Вышеуказанные оценки успешно заглушали отдельные критические замечания, суждения и выводы по поводу «присоединения».

Не исключено, что 50-летие взятия Ташкента как полувековой юбилей присоединения Средней Азии могло бы отмечаться достаточно широко по всей России. Однако шла Первая мировая война, и стране было не до торжеств. Тем не менее, в самом Туркестанском крае (Средней Азии без ханств) этот юбилей все же отметили не без повсеместной торжественности. Понятно, что нас интересует, прежде всего, отношение к нему со стороны местного мусульманства. Так, «во время торжественного празднования 50-летия взятия Ташкента депутация городского исламского духовенства указывала в “адресе”, преподнесенном краевым властям по случаю юбилея, что до прихода России в Среднюю Азию здесь царили беспорядки, произвол, грабежи и насилие»⁵. И только приход русских все изменил к лучшему. Схожие «адреса» были преподнесены всем военным губернаторам и начальнику Закаспийской области. Православная епархиальная газета цитировала слова из одного такого «адреса», гласившие: «Завоеватели-русские не были угнетателями нашего края, а представили нам, населению, возможность свободно развиваться, не тронув нашей религии и быта. И за это мы благословляем их»⁶. Объемные публикации о праздновании юбилея были даны, понятно, краевым «официозом» – газетой «Туркестанские ведомости»⁷.

Отреагировали соответствующим образом и прочие региональные средства массовой информации – «Семиреченские областные ведомости», «Ферганские областные ведомости», «Туркестанский курьер», «Туркестанская туземная газета» и др. Не оставила без внимания юбилей и «столичная»⁸ пресса – суворинская газета «Новое время», «Правительственный вестник», «Биржевые ведомости», «Колокол» и др. Были опубликованы в разных изданиях воспоминания участников присоединения Средней Азии, статьи «старых туркестанцев» – А.Н. Куропаткина, В.П. Наливкина, Н.П. Остроумова и проч. Выступили с публикациями и действующие краевые чиновники⁹.

---

⁵ Литвинов 1998. С. 78

⁶ Туркестанские епархиальные ведомости. 1915, № 14 (15 июля).

⁷ Формально она таковым не являлась, но см.: Туркестанские ведомости. 1915, № 128-134 и др.

⁸ Столицами считались Москва и Санкт-Петербург.

⁹ См.: Васильев 1915; Граменицкий 1916; Яшнов 1915. С. 102-157.

Несмотря на критические замечания в адрес деятельности царской администрации Туркестана в сложных условиях Первой мировой войны, никто, тем не менее, не ставил под сомнение те огромные достижения, которые были привнесены Россией как страной и цивилизацией в жизнь пусть традиционно самобытного, но все же отсталого местного населения. И это была первая оценочная парадигма присоединения Средней Азии к России. Вообще стоит заметить, что в нашем понимании «парадигма» есть система оценочных критериев, как объективных, так и субъективных, объединенных единой логикой определенных идеологических установок.

Приближающееся столетие Октябрьской революции заставляет задуматься и над ее истоками, и над ее результатами. Конечно, это событие имело эпохальное значение для истории всего человечества, но, вместе с тем, оно принесло большие трагические перемены в жизнь русского народа как единого имперского целого. Ошибки большевиков, в частности при решении «национального» вопроса, особенно проявились на «окраинах» бывшей царской империи – в Туркестане, где русское (и прочее немусульманское) население составляло немногим более 5% от общего числа обитателей региона. Именно усилиями большевиков создавалась новая оценочная парадигма присоединения Средней Азии к России, в которой на первый план выдвигались уже не позитивные достижения, а пресловутое «колониальное угнетение». 12 августа 1920 г. ЦК РКП(б) утверждал в циркулярном письме всем коммунистам Туркестанской АССР, что при царизме в Средней Азии «систематически создавалась основа для колониального угнетения в лице русского эксплуататорского населения»¹⁰. По сути, тем самым оправдывались наихудшие проявления восстания 1916 года в Туркестане, повлекшие за собой множество жертв среди русского и иного христианского населения.

В 1921 г. с разоблачением царистской «колониальной политики» в Средней Азии выступил известный большевик Григорий Сафаров¹¹. Он объявил ее «православно-националистическим мракобесием» и всесторонне «охаивал» «русификаторские» устремления царизма. Тезис о насильственной «русификаторской» политике царизма в Средней Азии оказался особенно вредным, так как под него подпадали даже те правительственные решения в Туркестане, которые были явно полезными для регионального мусульманства (строительство железных дорог, мостов,

---

¹⁰ См.: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии 1964. С. 646.

¹¹ См.: Сафаров 1985.

больниц, борьба с эпидемиями и т.п.). Но оценочная парадигма идеологии большевизма «подпитывалась» новыми сочинениями¹².

В советский период происходила эволюция в подходе к рассматриваемой проблеме. Сначала восторжествовала сталинская концепция царского завоевания Средней Азии, «колониального» угнетения ее народов, которые с помощью социалистической революции встали на путь действительно прогрессивного развития. По мере ужесточения культа личности И.В. Сталина такая концепция приобрела сакральный характер в догматическом «Кратком курсе» истории ВКП(б). Русский царизм объявлялся «палачом и мучителем нерусских народов»¹³. В данном случае «ученик» даже превзошел «учителя» – В.И. Ленин не ставил проблему так остро¹⁴. Однако есть все основания полагать, что уже к концу жизни «отца народов» значение вышеуказанного тезиса несколько «увяло». Буквально в 1953 г., вслед за смертью Сталина, в ведущем историческом издании – журнале «Вопросы истории» появляется статья И.С. Бранинского, С. Раджабова и В.А. Ромодина, внесшая нечто новое в привычную трактовку присоединения Средней Азии к России¹⁵. Но еще при жизни «вождя», в феврале 1953 г., в том же журнале публикуется статья Б. Гафурова «Об Андиганском «восстании» 1898 г., в котором оно выступает уже в кавычках, что вряд ли стоит пояснять детально¹⁶.

После начала «десталинизации» в государственно-общественной жизни в СССР, в Ташкенте, в год 90-летия присоединения Средней Азии к России была проведена специальная «научная сессия» в составе ученых из среднеазиатских республик и центральных исторических академических учреждений и вузов¹⁷. В выступлениях ее участников звучали менее жесткие оценки «колониальной» политики царизма в Туркестане, однако, в целом они продолжали грешить «классовым» подходом к ней. Но и такой подход менялся. К концу «хрущевской оттепели» в советской исторической науке прочно утвердился тезис о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, нашедший отражение во многих работах специалистов, посвященных грядущему (или уже наступившему) 100-летию указанного события¹⁸.

---

¹² См.: Галузо 1929. С. 82-117.

¹³ История ВКП (б) 1938. С. 6.

¹⁴ См.: Ленин 1957.

¹⁵ См.: Бранинский, Раджабов, Ромодин 1953.

¹⁶ Гафуров 1953. С. 50-61.

¹⁷ См.: Материалы 1955.

¹⁸ См. напр.: Аминов, Бабаходжаев 1966; Джамгерчинов 1963; Савицкий 1964. С. 114-133.

Особенно следует отметить труд известного советского востоковеда Н.А. Халфина, специально посвященный рассматриваемой проблеме¹⁹. Он и сегодня считается одним из лучших трудов по данной проблеме, несмотря на то, что указанный автор тоже изучал ее через «призму» господствующей идеологии. Следует заметить, что действительно знающим специалистам «идеологические» подходы в оценке присоединения Средней Азии к России совершенно не мешали, поскольку оно заведомо признавалось прогрессивным, в чем не усматривалось никакого прегрешения перед истиной.

В постсталинский период в семантической инструментарии историков применительно к присоединению Средней Азии к России был также в ходу термин «вхождение», что не считалось чем-то инновационным. Однако в период «застоя» (1965–1985) в арсенале историков появляется определение: «добровольное вхождение». В ряде случаев (как, например, с северными кыргызами) применение такого термина было оправданным, поскольку они действительно посылали свои посольства в царские инстанции с просьбами о принятии их в состав России.

Безусловно, можно совершенно точно утверждать о добровольном вхождении казахов в состав России, что подтверждается правовыми документами²⁰. Однако не было никаких оснований утверждать, например, о «добровольном» вхождении в состав России туркмен, узбеков, таджиков, каракалпаков и др. Между тем, поползновения такого рода в среднеазиатской советской исторической литературе порой имели место, и если мы не называем конкретных имен, то исключительно из соображений деликатности – они и сегодня живы и пишут, кстати, ныне о совершенно противоположном.

Можно по-разному относиться к эпохе М.С. Горбачева, его политике «гласности», «перестройки», «ускорения» и т.п., но нельзя не признать, что она в значительной мере раскрепостила отечественную историческую науку. Например, проф. С.П. Поляков (МГУ) в своей работе указывал, что ни царистское время, ни советский период так и не смогли не только преодолеть, но даже существенным образом изменить традиционные устои в жизни народов Средней Азии²¹.

---

¹⁹ Халфин 1965.

²⁰ Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5704; Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // ПСЗРИ-1, Т. 9. СПб., 1830. № 6567.

²¹ См.: Поляков 1989.

В 2015 г. народы бывшего СССР и все человечество торжественно отметили 70-летие Великой Победы. Как известно, в целом коренные народы Средней Азии и Казахстана внесли свой вклад в ее достижение. Вместе с тем, представляется удивительным тот факт, что еще в 1916 г., в период Первой мировой войны, они отказались идти даже на тыловые работы, а через четверть века с оружием в руках пошли на фронт защищать социалистическое Отечество. Почему так произошло? «Ответ следует искать в том, что созданный советский, авторитарный режим хорошо соответствовал принципам общественного устройства мусульманских народов Средней Азии, основанного на сильных патронимистических традициях, – писал в 1995 г. известный российский туркестановед П.П. Литвинов. – Приверженность мусульман Туркестана советскому режиму проявилась особенно, как это ни парадоксально, после победы здесь колхозного строя, идеально соответствующего патронимии, где председатель колхоза соответствовал главе так называемого “авлода” (у кочевников – рода, племени – *И.В.*)... секретари райкомов и обкомов партии... заняли место бывших ханских беков, ...а первые секретари ЦК компартий союзных среднеазиатских республик “исполняли роль” дореволюционных ханов, находившихся и тогда в вассальной зависимости от России. Таким образом, сформировавшиеся новые общественные отношения, серьезно не затронувшие традиционные социальные структуры народов Средней Азии, были восприняты ими как близкие... В силу особенностей мусульманского менталитета, привыкшего к самым грубым актам ханской власти, проявления культа личности *И.В. Сталина* воспринимались здесь как само собой разумеющиеся. Недаром... и сейчас личность Сталина пользуется среди мусульман Средней Азии (теперь уже пожилых – *И.В.*) известным уважением»²².

Как ни печально, факт участия народов Средней Азии и Казахстана в достижении Великой Победы сегодня тоже подвергается ревизии со стороны не только центрально-азиатских исследователей, но и государственных деятелей. Сносятся соответствующие монументы, памятники, бюсты и т.д. Заявляется, например, что для коренных народов Средней Азии и Казахстана война 1941–1945 гг. не была отечественной, некоторыми «историками» стран Центральной Азии восхваляются предатели из «Туркестанского легиона», образованного гитлеровцами с помощью изменника-казаха Мустафы Чокаева. Впрочем, проблема присоединения Средней Азии к России в этом плане является далеко не единственной на постсоветском научно-историческом пространстве.

---

²² Литвинов 1995. С. 15-16.

Выше мы уже упоминали о том, что в советской (учебной и иной) исторической литературе (от школьной до вузовской) присоединение Средней Азии (в т.ч. Южного Казахстана) расценивалось однозначно – как событие великого и судьбоносного значения для народов региона. Трудно сказать, чтобы этот вывод был необоснованным. Историки союзных республик Средней Азии и Казахстана в своих трудах сами убедительно доказывали, что присоединение Туркестана к России носило прогрессивный характер и повлекло за собой огромные позитивные последствия для всех сфер жизни региона. Научный анализ этого процесса показывает, что так оно и было. Ранее отсталый во всех отношениях регион, после вхождения в состав России, стал форсированно развиваться, а его этносы, в отличие от мусульманского населения соседних стран (Западного Китая, Афганистана, северо-западных провинций Британской Индии, Персии и др.), стали быстрее приобщаться к условиям цивилизации Нового времени. Конечно, этот процесс не был беспроблемным.

П.П. Литвинов писал, что из-за «неожиданности» присоединения и быстроты действий России в Средней Азии царское правительство не успело «разработать ясную, четкую, продуманную и долговременную программу взаимоотношений со среднеазиатским мусульманским населением»²³. На наш взгляд, окончательно сформированная и выверенная «программа» царизма по отношению к народам Средней Азии и Казахстана так и не была создана, что породило немало негативных последствий для его политики в этом регионе. Сегодня политические просчеты царизма в Центральной Азии (как теперь принято называть Среднюю Азию и Казахстан) стали мишенью для критических эскапад со стороны националистически ориентированной историографии в молодых независимых и суверенных государствах этого региона (бывших союзных республик СССР). Но ее мало интересует содержание таких просчетов – для нее важна форма, на основе которой создается новая парадигма. Важно доказать, что присоединение Средней Азии в России не могло быть прогрессивным, так как оно извратило некий «самобытный», «традиционный», «ясный», «счастливый», «сытный», «здоровый» и т.д. и т.п. путь коренных народов региона к счастью, довольству и изобилию.

Следует отметить, что такой ее настрой во многом подогревается нашей же отечественной историографией сталинского периода, когда, руководствуясь «Кратким курсом истории ВКП(б)», осуществлялась массированная (мы бы сказали – ожесточенная) критика царизма как создателя «тюрьмы народов», обвинявшая его во всех смертных грехах

---

²³ Литвинов 1998. С. 249-250.

и, понятно, не видевшая в его политике (в т.ч. в Центральной Азии) никакого позитива даже там, где он явно просматривался. Используя цитирование из работ сталинского времени, историки-националисты из стран региона задают вопрос нашим специалистам: «А разве не вы сами писали об угнетении наших народов и издевательствах в царский период?». И, к сожалению, часто бывает трудно ответить на этот вопрос, тем более что авторитетных специалистов по истории дореволюционной Средней Азии сегодня можно, образно говоря, сосчитать по пальцам.

Нынешняя отечественная вузовская учебная историческая литература вряд ли сможет ответить на такой вопрос, так как в некоторых изданиях вообще не поднимается вопрос о том, когда, как и зачем была присоединена Средняя Азия к России²⁴. Авторы вузовского учебника по истории России В.А. Федоров, В.И. Моряков и Ю.А. Щетинин пишут о том, что «среднеазиатские ханства были объектом соперничества между Россией и Англией, которое во второй половине XIX в. значительно обострилось. Этот регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности». Они отмечают, что «в мае 1864 г. началось наступление на Кокандское ханство. Почти одновременно навстречу друг другу выступили отряд полковника М.Г. Черняева численностью 2500 человек с востока из крепости Верный и отряд полковника Н.А. Веревкина в числе 1200 человек из крепости Перовской»²⁵.

Здесь не все верно. Во-первых, наступление на Кокандское ханство началось еще в 1850 г., когда русские войска пытались взять кокандскую крепость Таучубек в Заилийском крае. Первая попытка не удалась, но в 1851 г. крепость была взята русскими. В 1853 г. русские войска уже зимовали на р. Талгар. В этом же году русские взяли кокандскую крепость Ак-Мечеть. В середине 1850-х гг. кыргызы и казахи Семиречья приняли российское подданство. В 1859 г. русские устроили крепость Кастек, а в 1860 г. взяли кокандское укрепление Токмак в Чуйской долине и разрушили укрепление Пишпек. Кокандцы восстановили его, но в октябре 1862 г. оно уже окончательно было взято русскими. В октябре 1860 г. русские войска разбили кокандцев в местности Узун-Агач, в Семиречье. На отвоеванных у кокандцев территориях в 1862 г. был образован Ала-тавский округ. В 1863 г. русские взяли крупную кокандскую крепость Куртка (на Центральном Тянь-Шане). Во-вторых, отряд М.Г. Черняева двинулся не из крепости Верный, а из лагеря под Токмаком, который

---

²⁴ См. напр.: Дворниченко, Тот, Ходяков 2007; Чумаченко 2002.

²⁵ Федоров, Моряков, Щетинин 2010. С. 267.

отстоял от Верного на расстоянии около 250 верст. Авторы учебника пишут о том, что Черняев в 1864 г. взял крепости Аулие-ата и Чимкент, а Веревкин – г. Туркестан. Любопытно, что, в отличие от других, они не пишут о том, что Черняев взял летом 1865 г. Ташкент без «разрешения» Петербурга, а просто констатируют этот факт²⁶.

Из этого же учебника узнаём о том, что в 1879 г. из Красноводска в Ахалтекинский оазис была отправлена военная экспедиция генерала И.Д. Лазарева, но она не смогла взять крепость Геок-тепе. В 1880 г. новая экспедиция генерала М.Д. Скобелева снова штурмовала эту крепость и после трехмесячной осады взяла ее. Вскоре были взяты остальные пункты Ахалтекинского оазиса и на завоеванных землях образовали Закаспийскую область с центром в г. Ашхабаде²⁷.

В.А. Федоров, В.И. Моряков и Ю.А. Щетинин пишут, что в конце 1883 г. крупный отряд русских войск направили в Мервский оазис. Ранее туда же прибыла русская дипломатическая миссия, которая должна была добиться от влиятельных туркменских ханов признания русской власти. Они согласились сделать это и в январе 1884 г. прибыли в Ашхабад (четыре хана и старейшины родов и племен) и принесли присягу на верность царю и России. Несколько месяцев спустя Мерв был взят без особого сопротивления со стороны туркмен. Это вызвало очень острую реакцию со стороны Англии²⁸. В советских учебниках по этому поводу цитировали слова В.И. Ленина о том, что в период Пендинского кризиса 1885 г. «Россия и Англия были на волосок от войны». В рассматриваемом учебнике такой ссылки не находим, хотя, на наш взгляд, она никак бы не повредила содержанию учебника.

В учебнике дана краткая информация о «Памирском разграничении» и о том, что «в присоединенной к России Средней Азии было создано новое административное устройство. Она была разделена на пять областей, объединенных в Туркестанское генерал-губернаторство. Управление носило военный характер»²⁹. Российский историк В.А. Федоров пишет о том, что «продвижение России в Среднюю Азию диктовалось экономическими, политическими и военно-стратегическими мотивами. Среднеазиатский регион представлял для России большой интерес как рынок сбыта ее промышленных товаров и источник сырья для текстильной промышленности. Эти территории служили и объектом

---

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 268.

²⁸ Там же. С. 268-269.

²⁹ Федоров, Моряков, Щетинов 2010. С. 269.

соперничества между Россией и Англией, которое во второй половине XIX в. значительно обострилось. Для России Средняя Азия являлась важным стратегическим плацдармом для укрепления своих позиций на Среднем Востоке и противодействия Англии в этом регионе»³⁰.

Это положение бесспорно, однако с заявлением В.А. Федорова о том, что «Городовое положение» 1870 г. «не распространялось на города Средней Азии»³¹ нельзя согласиться. Можно совершенно определенно утверждать о том, что в 1877 г. первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман добился распространения этого нормативно-правового акта и на свой край, но только на один город – Ташкент.

Весьма авторитетные историки А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева и Т.А. Сивохина пишут о присоединении Средней Азии к России, но в самом общем плане³². Они приходят к выводу о том, что «присоединение Средней Азии можно оценивать по-разному. С одной стороны, эти земли в основном были завоеваны Россией, и на них установился полукOLONиальный режим, насаждаемый царской администрацией. С другой стороны, в составе Российской империи среднеазиатские народы получили возможность ускоренного развития. Было покончено с рабством, наиболее отсталыми формами патриархальной жизни и феодальными усобицами, разорявшими население. Русское правительство заботилось об экономическом и культурном развитии края... Царская администрация считалась с особенностями края, проявляла веротерпимость и уважала местные обычаи»³³. В их вузовском учебнике истории России рассматриваемый нами вопрос не представлен в полной мере, тем не менее, такая его оценка представляется верной и взвешенной.

Безусловно, ряд отечественных вузовских учебников по истории России можно было бы продолжить в ракурсе их отношения к вопросу о присоединении Средней Азии, но рамки статьи побуждают ограничиться вышеизложенным. Заметим лишь, что современной отечественной историографии следует уделять больше внимания рассматриваемой проблеме, более решительно выступать против бездоказательных националистических фальсификаций действительного содержания присоединения Средней Азии к России. Поэтому у нас есть все основания представить читателю те интерпретации (исследовательские парадигмы), которые существуют в современной центрально-азиатской истори-

---

³⁰ Федоров 2004. С. 161.

³¹ Там же. С. 51.

³² См.: Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина 2006. С. 262-264.

³³ Там же. С. 263-264.

ческой и псевдоисторической науке по вопросу о присоединении Средней Азии к России и его оценки.

Автор имел возможность работать в течение нескольких лет в регионе Центральной Азии, где познакомился не только с работами местных историков, но со многими из них лично. На наш взгляд, наиболее взвешенную позицию по рассматриваемой проблеме проявляют историки из Кыргызской Республики, особенно представители «старой школы». В этой стране среди студентов вузов пользуется большой (и заслуженной) популярностью учебник, написанный членами Национальной академии наук Д.Д. Джунушалиевым и В.М. Плоских. Они подробно излагают события, связанные с присоединением Средней Азии к Российской империи³⁴. В специальном разделе «Значение и последствия присоединения Кыргызстана к России», пытаясь объективно и беспристрастно оценить это историческое событие, авторы находят его прогрессивным и судьбоносным. Вместе с тем они справедливо указывают на то, что, «раскрывая процесс присоединения к России, нельзя обелять и приукрашивать или идеализировать колониальную политику царизма. Ведь эта политика была продиктована интересами правящих классов – помещиков, капиталистов, преследовала свои экономические и военно-политические цели. И с ними были вполне солидарны бай-манапские слои кыргызского общества... Присоединившись к многонациональной России, кыргызский народ не освободился от угнетения и эксплуатации и не получил ни национальной, ни социальной свободы»³⁵.

Несколько иначе расценивает присоединение Средней Азии к России кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов. Он пишет о том, что «в сложившейся к 30–60 гг. международной обстановке планы России завладеть Туркестаном имели прежде всего политическую подоплеку, т.к. для нее в то время торговля с Туркестаном не представляла большой выгоды. Вплоть до конца XIX в. объем вывозимых из Туркестана товаров намного превышал обратные поступления из России. Следовательно, как рынок сбыта и источник сырья Туркестан представлял для России в то время второстепенный интерес»³⁶. О.Дж. Осмонов считает, что в активизации экспансии России в Среднюю Азию «стимулирующим фактором были предпринимаемые соседними восточными странами и Британской империей попытки захватить Туркестан, в том числе и Кыргызстан. Понимая важное политико-стратегическое значение Туркеста-

---

³⁴ См.: Джунушалиев, Плоских 2009. С. 160-168.

³⁵ Там же. С. 169-170.

³⁶ Осмонов 2008. С. 272.

на, Россия прикладывала все усилия, чтобы опередить другие страны, особенно Британию, и самой утвердиться в регионе»³⁷. Но при этом он пишет о том, что Россия стремилась овладеть Туркестаном, «чтобы успешно противостоять английской торговле»³⁸.

Отстаивая свою точку зрения, О.Дж. Осмонов отмечает, что «в борьбе с Англией за лидерство в Центральной Азии приоритетное значение имели политико-стратегические мотивы. Дело в том, что, хотя крепостное право юридически было отменено еще в 1861 г., на деле страна перешла к капиталистическим отношениям только в 1890-х гг. Поэтому в 1860-х гг. торгово-экономические интересы России в Азии еще не стали одним из основных стимулирующих факторов». Автор делает соответствующий вывод: «Туркестан стал объектом колониальных устремлений России в силу сложных переплетений политико-экономических интересов, в которых превалирующее значение имели политические мотивы», и в итоге опять возвращается к своей мысли, указывая: «Таким образом, Туркестан как средоточие политико-экономических интересов, в которых превалировали политические, стал в 30–60-е гг. XIX в. одним из главных объектов русской колонизации»³⁹.

В приведенных выводах О.Дж. Осмонова мы усматриваем явно идеалистический подход. Еще В.И. Ленин писал о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики». С его мнением ныне вполне согласны и западные историки, рассматривая экономический фактор как определяющий в любой политике – внутренней и внешней.

Вместе с тем, О.Дж. Осмонов пишет, что, «войдя в подданство Российской империи, кыргызский народ через посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться и к европейским передовым достижениям культуры. На новом уровне стала развиваться национальная письменность Кыргызстана. Несмотря на известный шовинистический настрой колониальных властей, начала проводиться реформа образования и здравоохранения. Получила развитие сеть светских и религиозных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Начали издаваться учебники и первые научные труды, художественные произведения на кыргызском языке»⁴⁰.

Таким образом, О.Дж. Осмонов стремится к объективному освещению вопроса присоединения Средней Азии к России, чего нельзя сказать

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 273.

³⁹ Там же. С. 275.

⁴⁰ Осмонов 2008. С. 341. Национальная письменность и язык – это, как он пишет, «чагатайское письмо на арабской графике» (Там же. С. 331).

о трудах казахского историка М. Козыбаева. В советский период он был партийным историком во всех смыслах и отработывал соответствующий «заказ» господствующей идеологии, а с обретением Казахстаном независимости, стал «придворным» историком президента Н.А. Назарбаева.

В 1998 г. М. Козыбаев писал: «по-прежнему остается приоритетной проблема вхождения Казахстана в состав Российской империи. Прежде всего, следует отказаться от термина “присоединение”, ибо в дореволюционной и советской историографии он предполагал некоторую законность колониальных захватов»⁴¹. И это при наличии документов, бесспорно подтверждающих то обстоятельство, что в 1730-х гг. казахские ханы сами напросились в подданство России! Достаточно посмотреть в Полное собрание законов Российской империи (выше мы привели эти документы). Поэтому, если и отказываться от термина «присоединение», то только в пользу термина «добровольное вхождение». Можно доказывать все, что угодно, но никто не сможет опровергнуть того непреложного факта, что основные территории нынешнего Казахстана вошли в состав России по просьбе ханов Малого и Среднего жузов.

Между тем, М. Козыбаев пишет: «Таят много сюрпризов русско-джунгарские отношения в 20-30-е годы XVIII столетия, когда казахский народ, истекая кровью, вел Великую Отечественную войну с джунгарами»⁴². Нам понятно, на что намекает «гигант» постсоветской казахской историографии, но возникает вопрос: разве то, что Россия отозвалась на просьбы казахов о добровольном вхождении в ее состав, не является доказательством антиджунгарской настроенности российского правительства? Желай зла казахам, оно бы оставило их просьбы о вхождении без удовлетворения. И можно только представить себе, чего натворили бы еще в Казахской степи джунгары, если бы казахи в таком случае остались одинокими и беззащитными? Противореча сам себе, Манаш Козыбаев ниже признает: «Обращаясь к Российскому трону о подданстве, он (Абулхаир – *И.В.*) учитывал усталость народа от длительных истребительных войн, обескровленную экономику, внутренние раздоры и межродовые распри, борьбу за власть со стороны многочисленных, в основной массе инертных чингизидов, экономическую блокаду со стороны России, геополитическое положение Казахстана, оказавшегося в окружении русских крепостей, казахских поселений, джунгарских и волжских калмыков, среднеазиатских ханств и Цинской империи»⁴³.

---

⁴¹ Козыбаев 2006. С. 20.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 20-21.

Из перечисленных обстоятельств видно, что у Абулхаира был только один спасительный выход – просить российского подданства. Но М. Козыбаев все же стремится доказать обратное, отмечая: «Нам предстоит доказать состоятельность концепции А. Букейханова, который на заре XX века высказал идею о том, что «казахи, прижатые врагами к так называемой “Горькой линии”, были вынуждены признать власть русских»⁴⁴. И зачем при этом что-то доказывать, когда и без того все ясно?

Следует отметить, что воззрения М. Козыбаева разделяют многие казахстанские историки-националисты, и если мы здесь не пишем о них, то только из-за ограниченности рамок статьи.

Вместе с тем, есть в Казахстане историки, старающиеся объективно оценить факт добровольного вхождения Казахстана в состав России в 1730-х гг. и присоединение его южной части к империи в 1860-х гг. Как правило, это «русскоязычные» специалисты. Так, например, казахстанские историки В.С. Осколков и И.Л. Осколкова считают, что «присоединение Казахстана к России, продолжавшееся более 130 лет, определило ход его дальнейшего развития и содержало как положительные, так и негативные, а порой даже трагические явления в жизни казахского народа». Они отмечают, что историю Казахстана периода его пребывания в составе Российской империи и СССР «невозможно рассматривать отдельно... События, происходившие в Российском (позднее – в Советском) государстве... оказывали основополагающее влияние на жизнь казахских и других народов, населяющих территорию Казахстана»⁴⁵.

Подводя итоги, можно констатировать, что процесс присоединения Средней Азии и Казахстана к России по-прежнему находится в сфере внимания как отечественных, так и зарубежных историков. То, что они по-разному его оценивают, вполне понятно. Сказывается государственная принадлежность, степень широты взгляда на прошлое, уровень научной зрелости и многое иное.

Однако, безусловно, настораживает то, что в указанных нами нескольких отечественных вузовских учебниках проблема присоединения Средней Азии и Казахстана вообще не только не рассматривается, но даже и не упоминается. Думается, что такое отношение к отечественной истории совершенно неправомерно и непатриотично. Хочется надеяться, что со временем такой подход сойдет с широкой дороги действительно научного исторического познания.

---

⁴⁴ Там же. С. 21

⁴⁵ Осколков, Осколкова 2004. С. 4.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аминов А., Бабаходжаев А.* Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. 210 с.
- Бранинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. // Вопросы истории. 1953. № 8.
- Васильев В.А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
- Воронин О.В.* Завоевания Российской империи в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
- Галузо П.* Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими. // Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 2. Ташкент, 1929.
- Галузо П.* Троцкистско-колониаторская концепция истории Туркестана – колонии. Сб. статей. М.-Ташкент, 1933. 63 с.
- Галузо П.* Туркестан – колония. Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. 222 с.
- Гафуров Б.* Об Андиганском «восстании» 1898 г. // Вопросы истории. 1953. № 2.
- Граменицкий С.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. 89 с.
- Граменицкий С.* Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916.
- Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В.* История России. Учебник. М., 2007. 472 с.
- Джамгерчинов Б.Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
- Джунушалиев Д.Д., Плоских В.М.* История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. Бишкек. 2009.
- Досумов Я.М.* Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад, 1959. № 2.
- Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. 2. Алма-Ата: Изд. Акад. наук Каз. ССР, 1964. 724 с.
- История ВКП (б). Краткий курс. М., 1938.
- Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). Алматы, 2006.
- Ленин В.И.* О Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1957.
- Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917. (По архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998.
- Литвинов П.П.* Война и Средняя Азия. // История, экономика, культура в годы войны. Тезисы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Елец: ЕГПИ, 1995.
- Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана. Октябрьский период. Ташкент, 1955.
- Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Сб. ст. Ташкент, 1969.
- Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. Учебник для вузов. М.: Изд-во Проспект, 2006. 528 с.
- Осколов В.С., Осколова И.Л.* История Казахстана. Алматы, 2004. 70 с.
- Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана. (С древнейших времен до наших дней). Учебник для высших учебных заведений. Бишкек, 2008.

- Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989. 112 с.
- Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 1-2. Ташкент, 1929.
- Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. Кзыл-Орда, 1927.
- Савицкий А.П. Из истории присоединения Средней Азии к России. // Научные труды Ташкентского госуниверситета. Вып. 238. Ташкент, 1964. С. 114-133.
- Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). Оксфорд, 1985 (репринт. переиздание 1921 г.).
- Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник для вузов. М.: Изд-во «Кнорус», 2010. 544 с.
- Федоров В.А. История России. 1861-1917. М., 2004. 166 с.
- Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Чумаченко Э.Г. История России. 12 веков (IX-XX). Учебное пособие. М.: «Юнита», 2002. 512 с.
- Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата. 1973.
- Яинов Е. Колонизация Туркестана в последние годы // Вопросы колонизации. 1915. № 8.
- Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. L., 1889.
- Cobbold R.P. The Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900.
- Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 v. London, 1893.
- Lansdell H.D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 v. London, 1885.
- Skrine F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899.

REFERENCES

- Aminov A., Babakhodzhaev A. Ekonomicheskie i politicheskie posledstviya prisoedineniya Srednej Azii k Rossii. Tashkent, 1966. 210 s.
- Braninskij I.S., Radzhabov S., Romodin V.A. K voprosu o znachenii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii // Voprosy istorii. 1953, No. 8.
- Chumachenko Eh.G. Istoriya Rossii. 12 vekov (IX-XX). Uchebnoe posobie. Moscow: "Yunita", 2002. 512 s.
- Cobbold R.P. The Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900.
- Curzon George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. L., 1889.
- Dosumov Ya.M. Progressivnoe znachenie prisoedineniya Karakalpakii k Rossii // Izvestiya AN Turkmenskoj SSR. Seriya obshhestvennykh nauk. Ashkhabad, 1959/ No. 2.
- Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. London, 1893.
- Dvornichenko A.Yu., Tot Yu.V., Khodyakov M.V. Istoriya Rossii. Uchebnik. Moscow, 2007. 472 s.
- Dzhamgerchinov B.D. O progressivnom znachenii vkhozheniya Kirgizii v sostav Rossii. Frunze, 1963.

- Dzhunushaliev D.D., Ploskikh V.M. *Istoriya kyrgyzov i Kyrgyzstana: Uchebnik dlya vuzov*. Bishkek, 2009.
- Fedorov V.A. *Istoriya Rossii. 1861-1917*. Moscow, 2004. 166 s.
- Fedorov V.A., Moryakov V.I., SHHetinov YU.A. *Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen do nashikh dnei. Uchebnik dlya vuzov*. Moscow: Izdatel'stvo "Knorus", 2010. 544 s.
- Gafurov B. Ob Andizhanskom "vosstanii" 1898 g. // *Voprosy istorii*. 1953. No. 2.
- Galuzo P. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Srednej Azii v ehpokhu zavoevaniya russkimi* // *Revoljutsiya v Srednej Azii. Sb. statej. T. 2*. Tashkent, 1929.
- Galuzo P. *Trotskistsko-kolonizatorskaya kontseptsiya istorii Turkestana – kolonii*. Sb. statej. Moscow-Tashkent, 1933. 63 s.
- Galuzo P. *Turkestan – koloniya. Ocherk istorii kolonial'noj politiki russkogo tsarizma v Srednej Azii*. Tashkent, 1935. 222 s.
- Gramenitskij S. *Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae*. Tashkent, 1896. 89 s.
- Gramenitskij S. *Polozhenie inorodcheskogo obrazovaniya v Syr-dar'inskoj oblasti*. Tashkent, 1916.
- Inostrannaya voennaya interventsija i grazhdanskaya vojna v Srednej Azii i Kazakhstane. *Dokumenty i materialy. T.2*. Alma-Ata: Izd. Akad. nauk Kaz. SSR, 1964. 724 s.
- Istoriya VKP(b). Kratkij kurs*. Moscow, 1938.
- Khal'fin N.A. *Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii (60-90-e gg. XIX v.)*. Moscow: Nauka, 1965. 468 s.
- Kozybaev M.K. *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana. (Izbrannye trudy)*. Almaty, 2006.
- Lansdell H.D.D. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. In 2 v. London, 1885.
- Lenin V.I. *O Srednej Azii i Kazakhstane*. Tashkent, 1957.
- Litvinov P.P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. 1865–1917. (Po arkhivnym materialam)*. Elets: EGPI, 1998.
- Litvinov P.P. *Vojna i Srednyaya Aziya // Istoriya, ehkonomika, kul'tura v gody vojny. Tezisy nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvyashhennoj 50-letiju Pobedy sovet'skogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne*. Elets: EGPI, 1995.
- Materialy nauchnoj sessii, posvyashhennoj istorii Srednej Azii i Kazakhstana. Dooktyabr'skij period*. Tashkent, 1955.
- Materialy po istorii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii*. Sb. statej. Tashkent, 1969.
- Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. *Istoriya Rossii. Uchebnik dlya vuzov*. Moscow: Izd-vo Prospekt, 2006. 528 s.
- Oskolkov V.S., Oskolkova I.L. *Istoriya Kazakhstana*. Almaty, 2004. 70 s.
- Osmonov O.Dzh. *Istoriya Kyrgyzstana. (S drevnejshikh vremen do nashikh dnei)*. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenij. Bishkek, 2008.
- Polyakov S.P. *Traditsionalizm v sovremennom sredneaziatskom obshhestve*. Moscow, 1989. 112 s.
- Revoljutsiya v Srednej Azii. Sb. statej. T. 1-2*. Tashkent, 1929.
- Ryskulov T. *Vosstanie tuzemtsev v Srednej Azii v 1916 godu. Kzyl-Orda*, 1927.
- Safarov G. *Kolonial'naya revoljutsiya (Opyt Turkestana)*: Oksford, 1985 (reprint. pereizdanie 1921 g.).
- Savitskij A.P. *Iz istorii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii // Nauchnye trudy Tashkentskogo gosuniversiteta*. Vyp. 238. Tashkent, 1964. S.114-133.

- Shoinbaev T. Progressivnoe znachenie prisoedineniya Kazakhstana k Rossii. Alma-Ata. 1973.
- Skrine F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899.
- Vasil'ev V.A. Semirechenskaya oblast' kak koloniya i rol' v nej Chujskoj doliny. Petrograd, 1915.
- Voronin O.V. Zavoevaniya Rossijskoj imperii v Tsentral'noj Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) // Tsentral'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. Moscow, 2008.
- Yashnov E. Kolonizatsiya Turkestana v poslednie gody // Voprosy kolonizatsii. 1915. No. 8.

Волков Иван Васильевич, кандидат политических наук, ученый секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб; *ivolga54@gmail.com*

On the 150th Anniversary of the Annexation of Central Asia by Russia: Change of Research Paradigms

This study examines the research paradigm as a system of objective and subjective evaluation criteria, united by a logic of a certain ideology. In pre-revolutionary period the process of the appropriation of the territories by the Empire was mostly seen in a positive light. With the establishment of Soviet power, a new evaluation paradigm has been created, which brings to the fore the notorious "colonial oppression". However, in the Soviet period, an approach to the problem has evolved, and after the "Khrushchev thaw" the idea of progressive acquisition was established. The second part of the article is devoted to the assessment of this event by the national academic historical literature and interpretations that exist in contemporary Central Asian historical studies and pseudo-science.

Keywords: Central Asia, Russia, accession, the evaluation paradigm, academic historical literature.

Ivan Volkov, PhD in Political Sciences, Scientific Secretary of the Special Services History Society, *ivolga54@gmail.com*